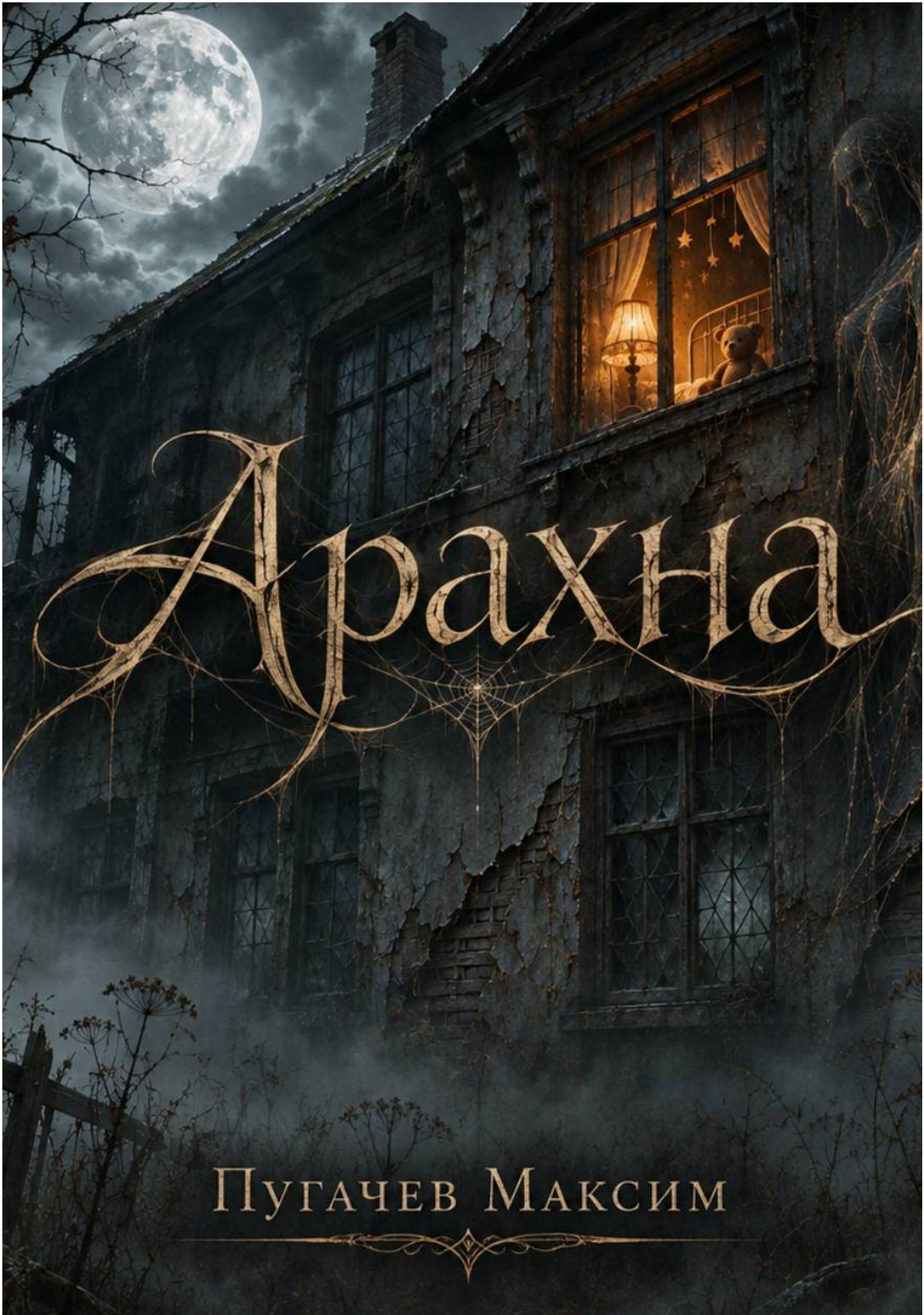

Арахна
Пугачев Максим

Максим Пугачев

Арахна

«Автор»
2026

Пугачев М. В.

Арахна / М. В. Пугачев — «Автор», 2026

Когда-то этот старый дом был чьим-то домом. Теперь он — склеп, в котором застряла сущность, забытая даже самой смертью. Он не помнит своего имени, но помнит голод. Голод по жизни, по теплу, по пульсу.Когда в дом въезжает счастливая семья, тишина рушится. Восьмилетний Дэн с его смехом и страхом становится идеальной целью. Сущность понимает: чтобы выбраться из клетки, ей нужно тело мальчика. Чтобы получить тело, нужно сломать его разум.В первую ночь он приходит к Дэну. Сотканный из лунного света, паутины и вековой тоски, с ножом, торчащим из груди. Мальчик видит его. Кричит. А родители... родители просто говорят, что это всего лишь сон.Но монстр уже сплел первую нить.

© Пугачев М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Паутина в его груди. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Максим Пугачев
Арахна

Глава 1: Паутина в его груди.

Я не помню, как оказался в старом доме. Память — роскошь, отнятая у меня вместе с пульсом. Я застрял здесь, как муха в янтаре, как вещь, забытая на верхней полке пыльного чердака. Я — не человек. Я — осадок. Тяжелая, вязкая тоска, пропитавшая гнилые половицы. Время для меня больше не течет рекой — оно превратилось в стоячее болото, где на поверхности лопаются пузыри чужих жизней.

Я помню лишь холод. И тишину. Десятилетиями я был этой тишиной. Наблюдал, как осыпается штукатурка, обнажая дранку, похожую на ребра мертвеца. Видел, как сменяются эпохи через мутные, в свинцовом переплете, стекла. Революции, войны, оттепели — всё это было лишь сменой декораций в моем театре абсурда. Я потерялся между мирами, застряв в щели, куда не проникает ни свет, ни смерть. Я — ошибка мироздания, зависший процесс.

А потом они приехали.

Скрип тормозов, который для меня прозвучал как удар грома. Запах свежей выпечки и детского шампуня, ворвавшийся в мою вековую вонь плесени и тлена. Семья. Они ворвались в мой склеп, неся с собой ту самую невыносимую, режущую глаза вещь — счастье. Я ненавидел их с первой секунды. Пристально наблюдал через щели в паркете, через трещины в потолке, через тусклую амальгаму зеркал, которые помнили мое живое лицо.

У них был сын. Дэн. Мальчик лет восьми, с глазами цвета осеннего неба. Я следил за ним постоянно. Смотрел, как мать — простая, уставшая, но светящаяся изнутри женщина — собирает ему завтрак в школу. Видел, как отец — мужчина в строгом костюме, адвокат, пахнущий кожей портфеля и дорогим табаком — подбрасывает его к потолку, и смех ребенка звенел в моих мертвых ушах набатом. Они играли, дурачились, ссорились и тут же мирились. Любящая семья. Замкнутая экосистема тепла.

И моя злость переросла в нечто иное. В голод. Не физический — я давно забыл вкус еды. Это был голод по жизни. Я смотрел на их уют и понимал, что я — лишь пыль, а они — плоть. Смотрел на Дэна и чувствовал, как мое нематериальное сердце, если оно у меня еще было, сжимается в ледяной ком. Я хотел этого. Хотел быть на его месте. Чтобы эта женщина гладила по голове меня. Чтобы этот мужчина защищал меня. Я смотрел на их счастье, и оно выжигало во мне последние остатки того, кем я был. Я хотел стать ими. Забрать это тело, этот возраст, эту любовь.

В ту ночь луна была полной. Она висела над старым домом, как серебряная гильотина, заливая спальню мальчика мертвенно-бледным светом. Я просочился сквозь стену. Это ощущение трудно описать живым: словно тебя пропускают через мясорубку, состоящую из битого кирпича и паутины. Я сгустился в углу комнаты. Моя форма была нестабильной — я состоял из теней, из спрессованной пыли, из вековой скорби. Но луна... луна делала меня видимым. Она прошивала меня насквозь, и я, сотканный из мрака, начинал светиться изнутри тусклыми, фосфоресцирующими нитями. Я был похож на клубок гнилых хирургических нитей, сшитых в форме человека.

Я подошел к кровати. Дерево не скрипнуло подо мной, потому что веса во мне не было. Наклонился над спящим Дэном. Его дыхание было ровным, теплым. Я протянул руку — полупрозрачную, с проступающими сквозь эфирное тело контурами костей. Хотел лишь коснуться его лба. Может быть, забрать кошмар. Или, наоборот, подарить ему свой.

Мальчик открыл глаза.

В них не было сонной мути. Там был чистый, звенящий ужас. Он смотрел прямо сквозь меня, но видел всё. Каждую мою порванную вену из лунного света, каждую гниющую пору моей сущности.

Он закричал.

Это был не детский плач. Это был звук разрываемой трахеи. Звук, от которого у меня самого, мертвеца, похолодело то, что осталось от внутренностей. Я отшатнулся. Мое единство дрогнуло. Я рассыпался на тысячи светящихся волокон, став на мгновение просто дымкой, туманом, который втянуло в щель под плинтусом. Я исчез, но в комнате остался запах озона и старой крови.

Дверь распахнулась. Вбежала мать. За ней, путаясь в пижамных штанах, влетел отец.

— Что, что случилось?! — голос адвоката сорвался на хрип.

Мальчик сидел на кровати, вжавшись в спинку. Он был бледен как полотно, его била крупная дрожь. Он не просто плакал — захлебывался воздухом, его грудная клетка ходила ходуном, пытаясь втянуть в себя жизнь, которую я чуть не отнял.

— Я... я видел его... — выдавил Дэн, тыча дрожащим пальцем в угол, где я только что стоял.

— Кого, солнышко? Кого ты видел? — Мать прижала его к себе, пытаясь согреть своим телом. Ее запах, запах молока и ванили, ударил мне в ноздри даже сквозь стену, за которой я прятался, корчась от ярости.

— Мужчину... — Дэн давился словами. — Он был... он был соткан из нитей. Лунные нити... они светились. У него были безумные глаза. Совсем белые. Но в них была такая грусть... такая тоска, что можно сойти с ума. А в сердце... в его сердце торчал нож. Огромный, старый нож. Он просто стоял и смотрел на меня. Он хотел...

— Тише, тише, мой хороший. — Отец включил ночник. Теплый оранжевый свет ворвался в комнату, безжалостно уничтожая мои тени. — Это всего лишь сон, милый. Плохой сон. В старом доме всегда скрипят половицы. Это просто дом оседает. Тебе показалось.

— Не-е-ет! — закричал Дэн так, что зазвенели стекла в серванте. Слёзы, горячие и искренние, покатились по его щекам, смывая остатки сна. — Он настоящий! Он здесь! Он в стенах!

Я смотрел на них из-за комода. Как сильные руки отца обнимают дрожащие плечи сына. Как мать целует его в макушку. И в этот момент моя злоба кристаллизовалась. Она стала холодной, острой, как осколок стекла.

«Простой сон», — сказал адвокат.

Они не поверили. Они всегда так делают — пытаются рационализировать ужас, чтобы не сойти с ума. Думают, что спасают его, успокаивая. Но совершают фатальную ошибку. Учат его сомневаться в своих глазах. Учат тому, что если он видит монстра, то это он — сумасшедший, а монстра не существует.

Я смотрел на них, и во мне созрел план. Идеальный, выверенный веками план.

Зачем мне быть призраком в стенах? Зачем мне быть пылью? Зачем мне нож в сердце, если я могу получить всё?

Я не хочу просто пугать. Я хочу жить.

Я не буду ломать их игрушки или выть в вентиляции. Это мелко. Я заберу то, что делает их семьей. Я заберу его место.

Я найду способ войти в него. Знаю, как это работает. Дети — это двери. Они открыты. Их воображение — портал. Если я буду приходить к нему каждую ночь, если буду шептать из розеток, если буду смотреть на него из каждого отражения... рано или поздно его разум сломается. Он перестанет отличать меня от себя. Примет мой нож в сердце как свой собственный. Он станет моим сосудом.

А когда он сломается окончательно, когда его родители в ужасе увезут его из этого дома, я поеду с ними. Буду сидеть на заднем сиденье их машины. Спать в его кровати. Обнимать его мать. Буду с адвокатом. Буду дышать.

Я больше не вещь на полке. Я — паразит, который нашел идеального носителя.

Отныне имя мое — Арахна.

Не потому, что я плету паутину в углах. А потому, что я уже сплел ее в его груди. Каждая нить моего лунного тела теперь тянется к его маленькому, испуганному сердцу. Я дерну за одну — и он закричит во сне. Дерну за другую — и он увидит меня в отражении ложки за завтраком. Я опутаю его так плотно, что когда он сделает следующий вдох, вдохнет он уже меня.

Семья думает, что закрыла дверь. Но они заперли монстра внутри своего дома. И этот монстр — я. А ключ от клетки теперь бьется в груди их сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.